

Данна Леднива

РАЗВОД

В 45. НАЧНУ СНАЧАЛА

Данна Леднива

Развод в 45. Начну сначала

<https://litres.ru/74339669>

SelfPub; 2026

Аннотация

Данил возвращается с работы и застаёт жену на кухне. Она спокойно ставит перед ним чашку чая и говорит: «Я подала на развод. Опекать — тебе. Я не оспариваю». В руках у него — полугодовалая дочь. В голове — шок.

Она уходит, оставив только один чемодан. Ни скандалов, ни слёз, ни объяснений. Общие друзья молчат, её мать уклоняется от ответов, а Яна словно растворяется в городе.

Данил остаётся один с ребёнком, которого не умеет пеленать. Он прокручивает последние месяцы и находит странные детали: закрытый кабинет, чек из онкодиспансера, дневник, который она прятала. Правда оказывается страшнее, чем измена. И теперь ему предстоит сделать выбор: ненавидеть её за то, что она сделала, или понять, почему она решила стать «плохой мамой».

Содержание

Глава 1. «Я подаю на развод»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Данна Леднива

Развод в 45. Начну сначала

Глава 1. «Я подаю на развод»

Чайник щёлкнул и замолчал.

Данил не сразу понял, что именно этот звук — щелчок остывающего пластика — станет границей. Той самой тонкой, невидимой линией, по одну сторону которой жизнь ещё была жизнью, а по другую — чем-то другим. Чем-то, для чего у него пока не было слова.

Он сидел за кухонным столом, уткнувшись в телефон. Рабочий чат пульсировал сообщениями — кто-то из отдела не закрыл отчёт, кто-то переспрашивал про дедлайн, кто-то ставил дурацкие стикеры в ответ на серьёзные вопросы. Обычный вторник. Девятый час вечера. За стеной, в детской, Алиса наконец уснула — после сорока минут укачивания, после трёх колыбельных, которые он пел фальшиво и слишком громко, после того как Яна забрала у него дочь со словами: «Дай я, ты её раскачиваешь, как мешок с картошкой».

Алиса уснула. Яна вышла из детской, прикрыв за собой дверь с той особой осторожностью, с какой закрывают дверь в комнату со спящим ребёнком — медленно, беззвучно, будто воздух в квартире мог скрипнуть и разбудить.

Данил поднял глаза от телефона. Яна стояла у столешницы, спиной к нему. На ней была его старая футболка — серая, растянутая на горле, с выцветшим логотипом какой-то конференции, на которую он ездил года три назад. Волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. Босые ноги на холодном кафеле.

Ничего необычного.

Абсолютно ничего необычного.

Он вернулся к телефону. Пальцы машинально пролистывали чат. Кто-то написал: «Данил, глянь таблицу, там в третьем столбце косяк». Он набрал: «Ок, утром». Отправил. Положил телефон экраном вниз.

Чайник щёлкнул.

Яна налила воду в чашку. Потом ещё в одну. Две чашки. Данил отметил это краем сознания — она всегда заваривала две, одну себе, одну ему. Ритуал. Вечерний. После того как Алиса засыпала, они садились на кухне, пили чай и говорили о всякой ерунде. О том, что завтра надо купить подгузники. О том, что сосед сверху снова сверлит после десяти. О том, что Яна прочитала какую-то статью про прикорм и хочет попробовать кабачок на следующей неделе.

Обычный вторник.

Яна поставила перед ним чашку. Не протянула, не сказала «держи» — именно поставила. На стол, перед ним, аккуратно, будто это был не чай, а что-то хрупкое. Фарфоровая чашка с отколотым краем — она любила эту чашку, говори-

ла, что кол делает её настоящей.

Данил сказал: «Спасибо», не поднимая глаз. Потянулся за телефоном.

— Не надо, — сказала Яна.

Голос был ровный. Не тихий, не громкий. Ровный. Как голос диктора в аэропорту, который объявляет задержку рейса. Информационный. Безэмоциональный.

Данил поднял голову.

Яна села напротив. Не на свой обычный стул — на тот, что у окна. Между ними теперь был стол и расстояние. Полтора метра. Раньше они всегда садились рядом, плечом к плечу, чтобы не тянуться друг к другу через столешницу.

Она сидела прямо. Руки лежали на столе, ладони вниз, пальцы чуть расставлены. Как человек, который готовится сказать что-то важное и не хочет, чтобы руки выдали его.

Данил посмотрел на неё. На её лицо. И что-то в нём было не так. Не выражение — отсутствие выражения. Не маска. Не слёзы. Не злость. Просто — пустота. Гладкая, отполированная поверхность, за которой ничего не двигалось.

— Ты чего? — спросил он. И усмехнулся. — Опять подгузники кончились?

Яна не улыбнулась.

Она смотрела на него. Прямо. Без моргания. Так смотрят не на мужа, не на отца своего ребёнка — так смотрят на человека, которого видят в последний раз и хотят запомнить.

— Я подала заявление, — сказала она.

Данил моргнул.

— Какое заявление? — Он ещё не понял. Мозг ещё работал в режиме рабочего чата, отчётов, подгузников, вечернего чая. Слово «заявление» не цеплялось ни за что. Заявление на отпуск? Заявление в управляющую компанию?

— О разводе, — сказала Яна.

Тишина.

Данил ждал. Ждал, что она сейчас дёрнет уголком рта. Скажет: «Ладно, шучу». Или: «Представь, что я это сказала, и скажи, что ты чувствуешь». У них были такие игры. Глупые, дурацкие. Однажды она сказала ему: «Я уезжаю в Тибет навсегда», и он полдня ходил с каменным лицом, прежде чем понял, что она просто пошла в магазин за хлебом.

Он ждал шутку.

Яна не шутила.

— Опека — тебе, — продолжила она тем же ровным голосом, будто читала список покупок. — Я не оспариваю. Алиса остаётся с тобой. Квартира, машина, счёт — всё как есть. Я забираю только своё. Личное.

Данил открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Ты... — Он хрипнул. Прочистил горло. — Ты сейчас серьёзно?

— Да.

— Ян. — Он произнёс её имя с той интонацией, с которой говорят с ребёнком, который несёт чушь. Снисходительно. Устало. — Ян, ты чего. Какая опека. Какой развод. Ты час

назад укладывала Алису спать. Ты ей пела про серого волчка.

— Я знаю.

— Ты ей пела, — повторил он, будто это был аргумент. Будто колыбельная про серого волчка была документом, который невозможно разорвать.

— Я знаю, Данил. — Она не повысила голос. Не дрогнула. — Я всё знаю. Я всё продумала.

И вот тогда пришла ярость.

Не сразу. Не как вспышка. Как волна — тёмная, горячая, поднимающаяся откуда-то из-под рёбер. Данил почувствовал, как кровь приливает к лицу, к шее, к кончикам пальцев. Он сжал кулаки под столом.

— Ты в своём уме? — Голос сорвался. Стал громче, чем нужно. Он тут же понизил: — Алиса там спит. — И снова, тише, но жёстче: — Ты в своём уме, Яна?

Она молчала. Смотрела на него.

— Это что? — Он встал. Стул скрипнул по кафелю. — Это что, месть? За что? За то, что я на прошлой неделе задержался? За то, что я не поехал к твоей матери на дачу? За что, Яна? Скажи мне, за что ты меня наказываешь?

— Это не наказание.

— Тогда что? — Он ударил ладонью по столу. Чашка звякнула. Чай расплескался по скатерти, тёмное пятно поползло к краю. — Что это тогда? У тебя кто-то есть? Ты мне скажи прямо. У тебя кто-то есть?

— Нет.

— Тогда объясни мне! Объясни мне нормальными словами, что происходит! Ты не можешь просто сесть и сказать «я подала на развод»! У нас ребёнку шесть месяцев! Шесть! Месяцев! Она вчера впервые засмеялась! Ты была рядом! Ты снимала это на телефон! Ты сама сказала: «Смотри, смотри, она смеётся!» — И вот сейчас ты сидишь и говоришь мне...

Он не договорил. Потому что увидел её руки.

Они лежали на столе. Ладони вниз. Пальцы чуть расставлены. И они не дрожали. Совсем. Ни единого движения. Как у мёртвой. Как у восковой фигуры.

Данил замолчал. Сел обратно. Медленно. Будто ноги перестали держать.

— Когда? — спросил он. Голос был чужой. Плоский.

— Заявление подано сегодня утром.

— Сегодня. — Он повторил это слово, пробуя его на вкус. — Сегодня утром. Ты встала, покормила Алису, погуляла с ней, уложила спать. И подала заявление.

— Да.

— И ты... — Он не мог сформулировать. — Ты что, ходила в ЗАГС? Или в суд? Ты куда ходила?

— В суд. По месту регистрации.

— Одна?

— Да.

Данил смотрел на неё. На женщину, с которой прожил восемь лет. Которую знал — или думал, что знал. Которая спа-

ла рядом с ним каждую ночь. Которая пахла детским кремом и своим собственным запахом, тёплым, хлебным. Которая шесть месяцев назад рожала его дочь, кричала, сжимала его руку до синяков, а потом положила ему на грудь этот красный сморщенный комочек и сказала: «Вот. Твоя».

И вот она сидит напротив. И говорит, что уходит.

— Я не понимаю, — сказал Данил. И это была правда. Абсолютная, тотальная, оглушающая правда. Он не понимал. Ни слова. Ни жеста. Ни её лица. Ничего.

Яна встала.

Движение было плавным, без суеты. Она отодвинула стул. Обошла стол. Не к нему — мимо. К двери. В коридор.

Данил не двигался. Сидел. Смотрел, как она уходит. Мозг кричал: встань, иди за ней, спроси, останови. Тело не слушалось. Тело было ватным, тяжёлым, привинченным к стулу.

Из коридора донёсся звук. Молния чемодана. Щелчок замка.

Данил встал. Пошёл. Ноги несли его механически, как несут во сне.

В коридоре стоял чемодан. Её чемодан — маленький, тёмно-синий, на четырёх колёсиках. Тот, с которым она ездила к матери на выходные. Он был закрыт. Застёгнут. Ручка поднята.

Рядом лежала сумка. Тоже её. Тоже застёгнутая.

Данил огляделся. Вешалка. Его куртка. Её куртка. Её ботинки. Всё на месте.

— Ты куда? — спросил он. Глупый вопрос. Нелепый. Как будто она могла ответить: «В магазин».

Яна стояла у двери. В руке — ключи. Она уже обулась. Накинула куртку. Волосы всё ещё в пучке, из-под которого выбивались пряди.

— Ян. — Он сделал шаг к ней. — Ян, подожди. Давай поговорим. Нормально. Сядем. Я заварю ещё чаю. Ты сейчас на эмоциях, я понимаю. Послеродовая депрессия, гормоны, усталость. Я всё понимаю. Давай просто...

— Это не гормоны.

— Тогда что? Что это? Скажи мне! Дай мне шанс...

— Данил. — Она произнесла его имя мягко. Почти ласково. И это было страшнее любого крика. — Мне не нужен шанс. Тебе не нужен шанс. Тебе нужна Алиса. Она у тебя есть. Ты справишься.

— Я не... — Он задохнулся. — Я не справлюсь без тебя.

Она посмотрела на него. Долго. И в её глазах что-то дрогнуло. На секунду. На долю секунды. Тень. Трещина на гладкой поверхности.

Но тут же — снова ровность. Гладкость. Стена.

— Справишься, — сказала она. — Ты сильнее, чем думаешь.

Она повернулась к двери. Вставила ключ в замок. Повернула.

Данил стоял. В коридоре. В трёх шагах от неё. И не мог пошевелиться. Не мог сказать: «Не уходи». Не мог схватить

её за руку. Не мог упасть на колени. Не мог сделать ничего. Тело отказало. Голос отказал. Всё отказало.

Яна открыла дверь. За ней — лестничная площадка. Лампочка дневного света, гудящая, белая. Запах чужих котлет из соседней квартиры. Звук телевизора этажом выше. Обычный мир, в котором ничего не изменилось.

Она перешагнула порог. Чемодан покатился по бетону площадки — четыре колёсика, тихий стрёкот.

И обернулась.

На секунду. На одну. Посмотрела на него. На него — и дальше. Вглубь квартиры. Туда, где за закрытой дверью спала Алиса. Шесть месяцев. Красный сморщенный комочек, который теперь — его. Только его.

— Прости, — сказала Яна. Тихо. Почти беззвучно. Губы едва шевельнулись.

Дверь закрылась.

Не хлопнула. Не slammed. Закрылась. Мягко. С щелчком замка. Как закрывают дверь в комнату со спящим ребёнком. Медленно. Беззвучно. Чтобы не разбудить.

Данил стоял.

Секунду. Две. Пять. Десять.

Потом повернулся. Пошёл обратно. На кухню. Механически. Как во сне. Как в чужом теле.

На столе стояла чашка. Её чашка. Та самая, со сколом. Чай в ней ещё дымился. Тонкая струйка пара поднималась к потолку и таяла.

Данил взял чашку. В обе руки. Обхватил ладонями. Фарфор был горячий, обжигающий. Он не чувствовал. Держал. Стоял посреди кухни. В серой футболке. В домашних штанах с вытянутыми коленями. Босиком.

Чай остывал в его руках. Пар таял.

И тогда из-за стены — из детской, из-за той самой двери, которую Яна прикрыла сорок минут назад с такой осторожностью, — раздался плач.

Тонкий. Протяжный. Голодный.

Алиса проснулась.

Данил стоял. Держал чашку. Слушал, как плачет его дочь. Его. Только его.

Чай остывал. Плач нарастал.

Он не двигался.

Не потому что не мог. А потому что не знал, как. Как развести смесь. Как проверить температуру. Как взять на руки так, чтобы голова не болталась. Как укачать. Как петь про серого волчка. Яна делала это. Яна знала. Яна была.

Яна была.

Была.

Чашка выскользнула из пальцев. Не разбилась — упала на стол, качнулась, устояла. Чай плеснулся на скатерть. Тёмное пятно. Расползается. Как всё сегодня.

Плач за стеной стал громче. Требовательнее. Ребёнок не понимал, почему никто не идёт. Почему нет тёплых рук. Почему нет запаха молока и тихого голоса. Почему тишина.

Данил поставил чашку. Вытер руки о штаны. Посмотрел на дверь детской.

И пошёл.

Шаг. Ещё шаг. Каждый — как в воду. Тяжёлый. Медленный.

Он открыл дверь. Алиса лежала в кроватке, красная, сморщенная, рот открыт, кулачки сжаты. Плакала. Громко. На весь дом. На весь мир.

Данил наклонился. Взял её. Неловко. Одной рукой под голову, другой под спину. Она была горячая. Живая. Тяжёлая для своих шести месяцев. Пахла детским кремом и молоком.

Пахла Яной.

Он прижал её к груди. Закачал. Неумело. Слишком быстро. Слишком сильно. Как мешок с картошкой.

— Тихо, — сказал он. Голос сорвался. — Тихо, Алиса. Тихо.

Она не умолкала. Плакала. Требовала.

Данил качал. Ходил по комнате. Вперёд-назад. Вперёд-назад. Как маятник. Как сломанный механизм.

— Мама вернётся, — сказал он. Не ей. Себе. — Мама вернётся.

И сам не поверил.

Плач заполнял комнату. Заполнял квартиру. Заполнял его грудь, его горло, его глаза. Данил качал дочь и чувствовал, как что-то внутри него ломается. Не трещит. Не хрустит. Ломается. Тихо. Беззвучно. Как ломается то, что не должно ло-

маться.

За окном был вечер. Обычный. Вторник. Август. Где-то гудели машины. Где-то кто-то смеялся. Где-то кто-то заваривал чай и садился напротив другого человека и говорил: «Как прошёл день?»

Обычный мир.

А в этой квартире, на четвёртом этаже, в панельном доме с облезлой краской в подъезде, стоял мужчина с шестимесячным ребёнком на руках. И качал. И не знал, что делать. И не знал, как жить. И не знал, как развести смесь. И не знал, как петь колыбельную. И не знал, как пережить следующую минуту. Не то что ночь. Не то что завтра. Не то что всю оставшуюся жизнь.

Алиса постепенно затихала. Плач переходил в всхлипы. Всхлипы — в посапывание. Кулачки разжались. Тело обмякло в его руках.

Данил стоял. Качал. Не останавливался. Боялся остановиться. Боялся положить её обратно. Боялся, что если положит — она снова заплачет. И он не выдержит.

Он стоял и качал. Минуту. Две. Пять. Десять.

А потом осторожно — бесконечно осторожно, будто она была сделана из стекла, из света, из чего-то невыносимо хрупкого — положил её в кроватку. На спинку. Как Яна учила. На спинку, голову чуть набок.

Алиса спала.

Данил выпрямился. Посмотрел на неё. На это маленькое

лицо. Нос-пуговка. Губы бантиком. Брови — тёмные, его. А глаза — закрытые, но он знал. Знал, какие они там, под веками. Серо-зелёные. Янины.

Он вышел из детской. Прикрыл дверь. Медленно. Беззвучно. Чтобы не разбудить.

Кухня. Стол. Две чашки. Одна пустая — его, он так и не отпил. Вторая — со сколом, наполовину полная. Остывший чай. Тёмная плёнка на поверхности.

Данил сел. Взял её чашку. Обхватил ладонями. Фарфор был холодный. Совсем холодный.

Он сидел. Держал чашку. Смотрел на тёмную жидкость. На своё отражение в ней — размытое, искажённое.

На столе лежал телефон. Экран потух. Рабочий чат. Отчёты. Дедлайны. Третий столбец.

Данил смотрел на чашку.

В коридоре, у двери, стоял чемодан. Нет. Не стоял. Чемодана не было. Чемодан уехал. На четырёх колёсиках. По бетонной площадке. Вниз по лестнице. В ночь. В город. В жизнь, в которой больше не было его. Не было их.

Была только кухня. Чашка. И спящий ребёнок за стеной.

Данил поднёс чашку к губам. Отпил. Чай был холодный. Горький. Перезаваренный. Янина заварка — крепкая, почти чёрная. Он всегда говорил: «Ты завариваешь как дёготь». Она смеялась. Громко. Дерзко. Так, как смеялась восемь лет назад, когда они познакомились.

Он допил. Поставил чашку. Посмотрел на часы. Девять

сорок семь.

Вечер только начинался.

А жизнь — кончилась.

Или нет. Не кончилась. Просто стала другой. Такой, в которой нет Яны. В которой есть только он и Алиса. И подгузники. И смесь. И колыбельная про серого волчка, которую он не помнит. И кабачок на следующей неделе. И сосед, который сверлит после десяти. И весь этот огромный, неподъёмный, бесконечный быт, который раньше делился на двоих, а теперь — только на одного.

Данил встал. Собрал чашки. Вылил чай в раковину. Помыл. Вытер. Поставил в сушилку.

Потом вытер стол. Скатерть. Тёмное пятно не оттиралось. Он тёр и тёр, губкой, с мылом. Пятно осталось.

Он бросил губку в раковину. Выключил свет.

На кухне стало темно. Только из коридора — тусклый свет ночника. И из детской — тишина. Тихое посапывание. Живое.

Данил стоял посреди тёмной кухни. Босиком. В серой футболке. В штанах с вытянутыми коленями.

И слушал, как дышит его дочь.

Его.

Только его.

Он не спал.

Лёг на диван в гостиной — не в спальню, не мог. В спальне была её подушка. Её запах. Её сторона кровати, на которой

ещё сохранилась вмятина от тела. Не мог.

Лежал. Смотрел в потолок. Слушал.

Каждые двадцать минут — тишина из детской. Значит, спит. Значит, всё ещё нормально. Значит, мир не закончился окончательно.

В три ночи Алиса заплакала. Голодная. Данил встал. Пошёл на кухню. Смесь. Банка. Мерная ложка. Вода — какая температура? Яна всегда проверяла запястьем. Он не знал, какая температура. Налил горячую. Потом холодную. Капнул на запястье. Горячо. Ещё холодной. Ещё. Капнул. Вроде нормально. Вроде.

Размешал. Пошёл в детскую. Взял Алису. Поднёс бутылочку. Она схватила соску жадно, яростно. Сосала. Смотрела на него.

Глаза. Серо-зелёные. Янины.

Данил смотрел в них. И не мог дышать.

Она доела. Отпустила соску. Икнула. Закрыла глаза. Уснула у него на руках. Тёплая. Живая. Пахла молоком и детским кремом.

Он держал её. Долго. Боялся положить. Боялся, что если положит — она проснётся. И он снова будет один. В этой тишине. В этой квартире без Яны.

В конце концов положил. Тихо. На спинку. Голову набок. Вышел. Прикрыл дверь.

Вернулся на диван. Лёг. Смотрел в потолок.

В четыре утра зазвонил телефон. Данил вздрогнул. Экран:

«Мама». Его мать.

Он не ответил. Не мог говорить. Не мог сказать: «Яна ушла. Я один. С ребёнком. Я не знаю, что делать». Не мог.

Телефон замолчал. Пришло сообщение: «Даня, ты чего не берёшь? Всё хорошо? Звонила Яна, сказала, что у вас всё нормально, просто ты занят. Целую».

Данил смотрел на экран. Перечитал. Три раза.

«Звонила Яна».

Она позвонила его матери. Сказала, что всё нормально. Сказала, что он занят. Сказала. Его. Матери. Что. Всё. Нормально.

Он положил телефон. Экраном вниз.

И лежал. До утра. Без сна. Без мыслей. Без ничего. Просто лежал и слушал, как за стеной дышит его дочь.

Его.

Только его.

Утро пришло серое. Августовское. Плотное небо, ни солнца, ни дождя. Просто — серое. Как всё.

Данил встал в шесть. Алиса ещё спала. Он пошёл на кухню. Поставил чайник. Достал чашку. Свою. Ту, без скола.

Насыпал заварку. Залил водой. Сел.

На столе, напротив, стояла её чашка. Со сколом. Вымытая. Чистая. Пустая.

Он смотрел на неё. Долго. Пил чай. Смотрел.

В семь Алиса проснулась. Заплакала. Данил пошёл. Взял. Покормил. Снова смесь. Снова температура. Снова запястье.

На этот раз вышло лучше. Почти нормально.

Она ела. Он держал. Смотрел в окно. Серое небо. Серый двор. Серая жизнь.

Когда Алиса доела, он посадил её в шезлонг. Яна купила его на прошлой неделе. Сказала: «Смотри, она в нём как в троне сидит». Алиса сидела. Таращила глаза. Дёргала руками. Гулила.

Данил смотрел на неё. И думал: что теперь? Что теперь делать? Куда звонить? Кому? Что сказать?

Он взял телефон. Набрал: «Яна». Гудки. Длинные. Равномерные. Никто не взял.

Ещё раз. Гудки.

Ещё. Гудки.

Четвёртый. Пятый. Шестой.

«Абонент временно недоступен».

Данил положил телефон. Взял обратно. Набрал снова.

«Абонент временно недоступен».

Он написал. Одно сообщение: «Яна, позвони мне. Нам надо поговорить». Отправил. Две галочки. Прочитано.

Ответа не было.

Он написал ещё: «Где ты?» Две галочки. Прочитано.

Тишина.

Он написал: «Алиса спрашивает, где мама». И сразу почувствовал, как глупо это звучит. Как манипуляция. Как удар ниже пояса. Алиса не спрашивает. Алисе шесть месяцев. Алиса не умеет спрашивать.

Удалил. Написал: «Прости. Позвони, пожалуйста».

Две галочки. Прочитано.

Тишина.

Данил положил телефон. Сел на пол. Прямо на пол, на кухне, спиной к холодильнику. Холодный кафель сквозь штаны. Алиса гулила в шезлонге. Дёргала ногами. Жила. Не знала, что мир рухнул. Не знала, что мамы больше нет. Не здесь. Не в этой квартире. Не в этой жизни.

Данил сидел на полу. И не знал, что делать дальше. Следующий час. Следующий день. Следующую неделю.

Он не знал, как разводить смесь. Не знал, как пеленать. Не знал, когда следующий прикорм. Не знал, к какому педиатру записаны. Не знал, где лежат подгузники. Яна знала. Яна всегда знала. Яна была системой, алгоритмом, расписанием. А он был просто рядом. Помогал. Иногда. Когда просили.

А теперь просить некого.

Алиса загулила громче. Потребовала внимания. Данил встал. Подошёл. Наклонился над шезлонгом. Посмотрел на неё.

Она посмотрела на него. Серо-зелёные глаза. Янины. Широкие. Удивлённые. Живые.

— Привет, — сказал Данил. Голос хриплый, чужой. — Привет, Алиса. Это папа. Мы тут с тобой. Одни. Но ничего. Нормально. Всё нормально.

Алиса гулькнула. Улыбнулась. Беззубой, дёсенной улыбкой.

И Данил почувствовал, как что-то в груди сжимается. Не ломается. Сжимается. В маленький тугой комок. Горячий. Тяжёлый.

Он взял её на руки. Прижал к себе. Она пахла молоком. Кремом. Живым.

— Мама вернётся, — сказал он. Тихо. Ей. Себе. Стенам.
— Мама вернётся.

И не поверил.

Ни на секунду.

За окном было серое утро. Обычное. Вторник. Август. Где-то кто-то заваривал чай. Садился напротив. Говорил: «Как спалось?»

Обычный мир.

А в этой квартире, на четвёртом этаже, стоял мужчина с ребёнком на руках. И не знал, как жить дальше.

Но жил. Потому что на руках у него было живое. Тёплое. Дышащее. Его.

Только его.

И это было всё, что у него осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.